

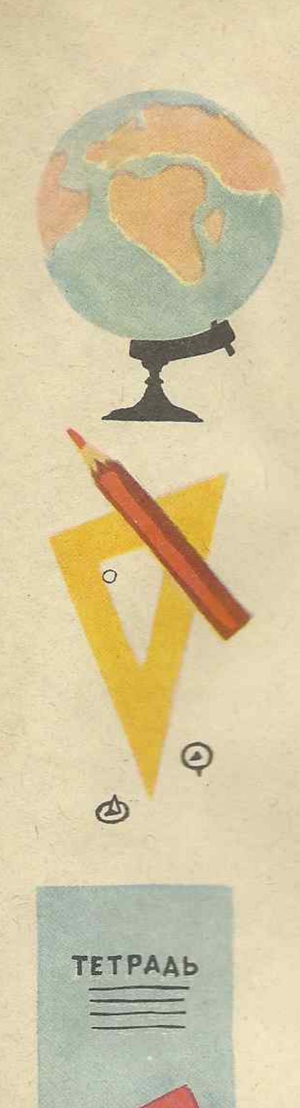
№ 9

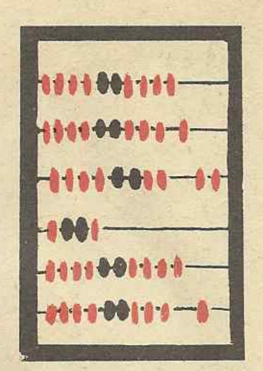
СЕНТЯБРЬ

1967

МУРЗИЛКА

Журнал ЦК ВЛКСМ и ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ имени В. И. ЛЕНИНА для ОКТЯБРЯТ

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

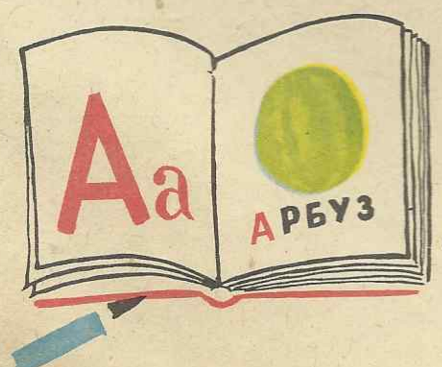
Поздравляем дорогих читателей с первым школьным днём!

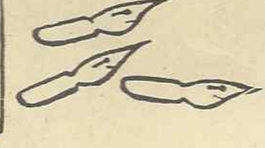
Особо поздравляем вас, первоклассники: вы сели за парты в праздничном году, в юбилейном году Советской власти.

В школе вас научат читать, писать, считать. Вы узнаете, почему день сменяется ночью, как летают птицы и самолёты, кто живёт в морской глубине, что лежит в земных недрах... А ещё узнаете вы о жизни нашего народа, о его борьбе за своё счастье, о его героях. Герои революции — бесстрашные, мужественные люди — станут для вас примером на всю жизнь.

В «Мурзилке» напечатаны рисунки о том, как народ боролся за свободу — против царя, помещиков, капиталистов. Перелистав странички этого номера, вы увидите рисунок «Штурм Зимнего дворца». А первый рисунок был напечатан в сентябре прошлого года. Рисунки можно вынуть из журнала, наклеить на картон и повесить к празднику в классе. Это будет подарок октябрят школе к 50-летию Великого Октября.

В. ГОЛЯВКИН

Рис. Э. БЕНЬЯМИНСОНА, Б. КЫШТЫМОВА

ВЕЛИКОЕ ОТКРЫТИЕ

Когда я, наконец, понял, что 1 + 1 будет 2, то есть впервые научился складывать числа, я так обрадовался, что сразу съел свою кашу, которую ужасно не любил.

Родители мне рассказывали потом, как всё произошло.

Я попросил ещё каши, съел вторую тарелку, а после сказал, подняв вверх палец:

— Одна каша и ещё одна каша — будет две каши!

Родители захлопали в ладоши, и я захлопал вместе с ними, и мы заплясали, взявшись за руки, так были все рады.

Но дальше, дальше!

Я уже не мог остановиться.

— Мама — один! — орал я. — Папа — один! Будет два!

Я ползал по земле, хватал разный мусор и орал:

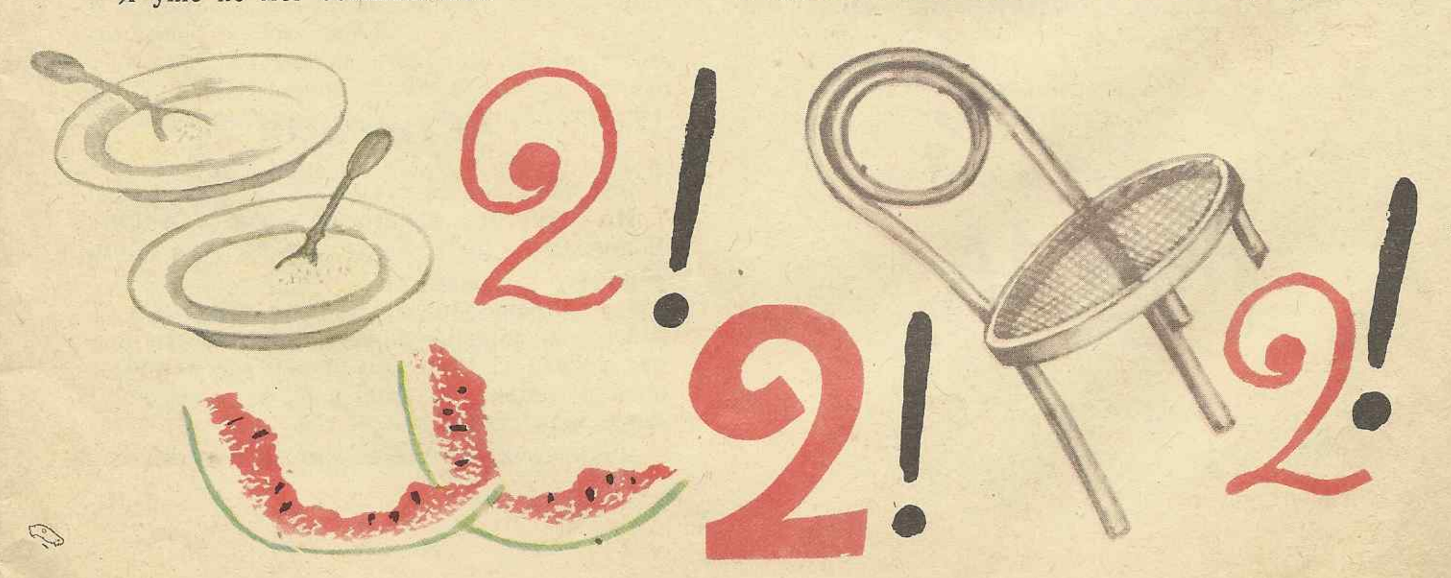
— Два! Два! — и показывал две арбузные корки.

Я нашёл стул, у которого были отломаны две ножки, и был в восторге.

Я упорно тащил его из кладовки в комнату и ревел что есть мочи, когда его у меня отнимали. На стуле нельзя было сидеть, но зато у него две ножки! Один плюс один — два! Вот за что я любил его!

Если отец покупал мне игрушку, я просил его купить такую же вторую.

Мне почему-то не покупали вторую одинаковую игрушку, но, если вдруг я видел её в витрине магазина, я рвался туда и кричал: «Два! Два!» И стоял подолгу,

глядел как заворожённый, не мог оторваться от такого чуда.

Я знал все предметы в квартире по два. Знал, что у меня два уха, два глаза, две руки и две ноги. Два больших пальца на ногах и два больших пальца на руках, два мизинца, два указательных пальца и другие парные пальцы.

Перед сном я хватал одной рукой большой палец на одной ноге, а другой рукой большой палец на другой ноге и с огромным счастьем повторял:

— Два! Два!

Хватать перед сном ноги руками мне сначала запрещали: что, мол, за новость! А потом разрешили. Ведь я иначе не мог заснуть! Вы скажете: можно и другое придумать, к примеру схватить себя за уши или глаза прикрыть ладонями. Так вы думаете, я не хватал себя за уши, не прикрывал глаза ладонями? Ещё как! Хватал и прикрывал!

Ведь это было великое для меня открытие!

Я не мог считать до десяти, не мог пересчитать все пальцы, но что у меня одна голова — я знал.

— Одна голова и ещё одна голова, сколько будет? — орал я на весь дом.

— Одна голова хорошо, а две лучше, — смеялся мой отец. То есть, значит, если два человека подумают о чём-либо, они лучше придумают, чем один человек. Вот что значит два!

— Два больше одного! — орал я радостно.

И ведь верно.

Но это только начало.

Дальше, дальше интересно!

ЧЕТЫРЬМЯ

Всё началось со стула.

Но с другого, целого, со всеми ножками. Я ползал по полу, наткнулся на стул лбом, заплакал.

Сижу реву, ползти дальше некуда.

Можно обратно ползти, но мне-то вперёд хотелось! Назад-то проще всего, повернись и ползи, а вот вперёд попробуй! А впереди стул.

Попробовал пролезть между ножками,

но застрял, ни туда ни сюда. Ору, реву и вою.

Мама меня оттуда вытащила.

Отец почему-то расстроился:

— Если он между четырьмя ножками пролезть не может, неизвестно, что вообще из него получится...

Я слышал.

Четырьмя...

Я походил вокруг стула, оглядел его со

всех сторон и ещё раз попробовал пролезть между ножками.

И снова застрял.

Но сам вылез.

Теперь-то я мог пролезть между этими самыми ЧЕТЫРЬМЯ.

Я ещё много раз ходил вокруг стула и ещё много раз пролезал под стулом, шепча слово ЧЕТЫРЬМЯ.

Во сне мне снились стулья, много стульев, столько ножек! Но я ведь мог только до двух считать, такой ужасный, неприятный сон!

А утром я, помня слово ЧЕТЫРЬМЯ, сказал родителям:

— Один, два, четырьмя...

— Как? — удивились родители.

Я сделал вид, что обиделся, надулся, больше не стал повторять. Если они думают, будто я не умею дальше считать, то я не думаю.

Вдруг отец засмеялся и сказал:

— Так вот оно что! Я понял! Он хочет сказать: один, два, три, четыре!

— Конечно! — сказал я и развёл руками в стороны, а голову склонил набок: мол, само собой разумеется, неужели так трудно было понять!

Теперь я уже мог до четырёх считать, все ножки стула пересчитать в один миг. И если к поломанному стулу с 2 ножками прибавить 2 ножки, будет 4 ножки, а если 2 потом отнять, снова 2 останется.

А дальше пошло!

Самое интересное впереди, а сначала я расскажу, как запутался.

Продолжение в следующем номере.

1, 2, 3, 4!

ПОСТОРОННЯЯ

Агния БАРТО

Мы до сих пор не поняли —
О чём же вышел спор?
К нам кошка посторонняя
Вчера пришла во двор.

А мамы из-за кошек
Бранят нас из окошек:

— Не подходи к ней близко,
Тебя царапнет киска!

— Тут ходят кошки разные,
А вдруг они заразные?

КОШКА

Рис. А. КАНЕВСКОГО

И пошло, как говорится,
Расшумелся весь подъезд,
А у мам такие лица,
Будто к нам пришла тигрица
И вот-вот кого-то съест!

Кричит с балкона бабушка,
Старушка в тёмной шали:
— Ну чем, скажи пожалуйста,
Вам кошки помешали?

— Но мы её не гоним прочь!—
Тут все затараторили. —
Пускай сидит хоть день и ночь
На нашей территории.
Вы нас неверно поняли,
Ей не желаем зла...

Но кошка посторонняя,
Обидевшись, ушла.

КАРУ

Л. ПАНТЕЛЕЕВ

Рис. В. ПЕРЦОВА

Один раз мы с Машей сидели у меня в комнате и занимались каждый своим делом. Она готовила уроки, а я писал рассказ. И вот написал я две или три странички, устал немножко, потянулся и несколько раз зевнул. И Маша мне сказала:

— Ой, папа! Ты же не так делаешь!..

Я, конечно, удивился:

— То есть что я не так делаю? Зеваю не так?

— Нет, зеваешь ты правильно, а вот потягиваешься не так.

— Как это не так?

— Да. Вот именно, не так.

И она мне показала. Это, наверно, вы все знаете. Это все школьники и дошколята знают. Во время занятий воспитательница объявляет маленькую передышку, ребята встают и хором читают такие стихи:

Ветер дует нам в лицо.
Закачалось деревцо.
— Ветер, тише, тише, тише!
Деревцо растёт всё вы-ы-ыше!

И при этом все руками показывают, как ветер дует в лицо, как дерево качается и как оно потом растёт всё выше и выше, до самого неба.

Мне это, сказать по правде, понравилось. И с тех пор всякий раз, когда

С Е Л И

нам с Машей приходилось работать вместе, мы каждые полчаса проделывали с ней это упражнение — качались, вытягивались и дули себе в лицо. Но потом нам надоело играть в одно и то же. И мы придумали немножко похожую, но другую игру. Попробуйте, может быть, кое-кому из вас тоже понравится?

Станьте лицом к своему соседу. Хлопайте один другого крест-накрест ладонь в ладонь. И громко все вместе читайте:

Карусели, карусели!
Мы с тобою в лодку сели
И по-е-ха-ли!..

А когда поехали, показывайте, как это было, — работайте вёслами.

А дальше вот так:

Карусели, карусели!
Мы с тобой на лошадь сели
И по-е-ха-ли!..

Теперь скачите верхом. Гоп! Гоп! Постёгивайте лошадку, только не сильно, не больно.

Если не устали — поехали дальше.

Карусели, карусели!
Мы с тобой в машину сели
И по-е-ха-ли!

Крутите баранку. Здорово несётся наша «Волга». Можно даже, пожалуй, бибикнуть:

— Би-би-и-и-и!
Би-и-и-и!

А карусель наша всё крутится и вертится, всё шибче и шибче. Куда же ещё? Ага! Придумали!

Карусели,
карусели!
В самолёт
С тобой мы сели
И по-е-ха-ли!

Руки в стороны! Самолёт готов. Полетели!.. Ура-а!..

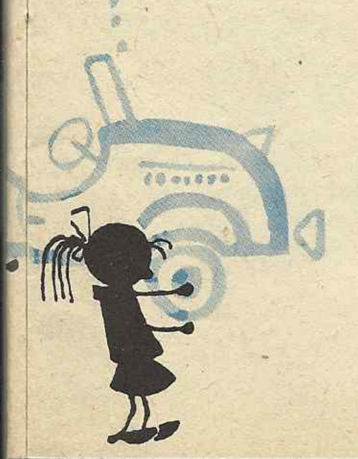
Самолёт хорошо, а ракета лучше.

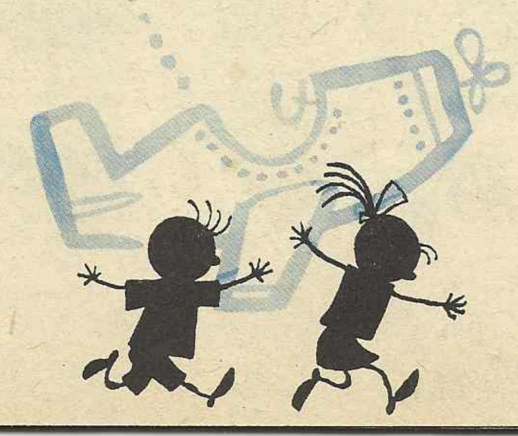
А ну:

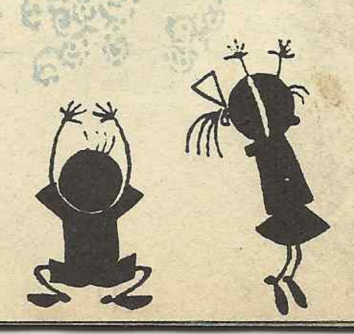
Карусели, карусели!
Мы с тобой в ракету сели
И по-е-ха-ли!!!

Руки над головой. Кончики пальцев соедините вместе. Присели! К запуску приготовиться! Зззиг! Полетели! Только не пробейте потолок, а то и в самом деле в космос улетите.

А если останетесь на земле, тогда можете и на санках покататься, и на самокате, и ещё на чём-нибудь... Это уж вы сами придумайте!

ЛЕТАЮЩАЯ КРОВАТЬ

Владимир СТЕПАНЕНКО *Рис. В. ГАЛЬДЯЕВА*

Река не имела постоянного цвета. Это открытие сделал маленький Саварка на берегу могучей и широкой Оби. Небо затянуло низкими облаками. По реке заходили высокие чёрные волны. А выглянуло солнце, и вода сразу стала светлой.

Мальчика поразили бревенчатые дома на берегу. Они были глазастые. Стёкла в окнах, как и вода в реке, при тучах темнели, а то вдруг делались весёлыми и прозрачными.

Саварка осматривал каждый дом. Было чему удивляться: тесины были накатаны высоко и не падали. Долго искал в крышах круглые дыры макоданов. Не понимал: как в домах разводят костры? Куда выходит дым? Решил: в посёлке не варили супа и не пили чая, а обходились одной строганиной.

На одном бревне он заметил капли смолы. Обрадовался. Быстро отковырнул их ножом. На озере Ямбо-то у отца прохудилась лодка. Перед большой охотой её надо чинить. Смолу хорошо замесить с заячьей шерстью и промазать все трещины.

Большой шар скатал Саварка из смолы. Засунул в карман штанов. Радостно улыбнулся, довольный собой.

За работой не заметил, как стемнело. Надо было возвращаться в интернат. Когда он подошёл к интернату, в окнах уже горел свет. Ребята гремели тарелками и кружками.

Саварке достались два больших куска оленины. Сытно поел. Потом с наслаждением пил горячий сладкий чай. От удовольствия даже закрыл глаза.

— Ты так лопнешь! — сказала девочка Нябинэ и вырвала у него из рук кружку.

— Отдай! — Назло Нябинэ Саварка остался сидеть за столом. Пил чай. Одну кружку за другой. Живот раздулся, как барабан. Трудно стало дышать.

— Хватит тебе пить, — улыбнулась вос-

питательница. — А то и вправду лопнешь. Пойдём, я покажу тебе твою кровать. А малицу повесь на вешалке. — Вывела мальчика в коридор. Показала вешалку: — Скоро сам привыкнешь к порядку. Твоя кровать у печки. Раздевайся и ложись.

— Тарем, тарем, — сказал Саварка. — Ладно, хорошо!

Мальчики в комнате быстро разделись. Их привезли раньше Саварки со стойбищ, и они уже обжились. С разбегу прыгали на свои кровати. Ногами откидывали одеяла.

Саварка не показал виду, что боится кровати. Стал снимать рубашку. Оглянулся на воспитательницу.

— Ложись. Я сейчас выключу свет.

Мальчик осторожно присел. Сетка мягко прогнулась. Он набрался решимости и бросил своё тело в кровать, как будто нырнул в холодную воду за раненой уткой.

Ребята скоро затихли. А Саварка никак не мог заснуть на новом месте. Перед глазами стояло знакомое стойбище, чумы. Над макоданами между закопчёнными шестами подымался дым. Недалеко бродили олешки, бегала его черноухая лайка Таря. А затем он увидел отца, мать. Мирнэ с Оксей наряжали куклу. Шили ей из кусочков меха малицу. Не забыл он и самолёт с лыжами. Припомнил лётчиков — одного весёлого в резиновых сапогах, а второго в пыжиковой шапке.

Самолёт качнуло. Мальчик испуганно дёрнулся и упал с кровати. Проснулся Саварка на полу. Удивился, почему не горит костёр в чуме. Пошарил рукой и не нашёл мягких оленьих шкур. Рядом не похрапывал уставший после дежурства в стаде отец. Не лежали Мирнэ с Оксей. Наконец понял он, что находится в интернате.

Мальчик удобно устроился под кроватью. Подкатился к печке и заснул.

Открыл глаза Саварка на руках у воспитательницы. Она положила его в кровать.

Саварка боялся, что снова упадёт с кровати, и старался не спать. Держался руками за железные перекладины.

Утром всем новичкам воспитательница делала подарки. И Саварка забыл о своём падении, он тоже получил подарок — красный кусок туалетного мыла, зубную щётку и круглую коробку с белым порошком.

Ребята побежали умываться. Стучали носиками умывальников, тёрли руки мылом.

Саварка чуть-чуть ополоснул руки и лицо. Старательно принялся вытираться полотенцем. Кусок туалетного мыла, зубную щётку и коробку с белым порошком он спрятал в мешок. Приедет домой и всем покажет свои подарки.

Новичков построили. Появился третьеклассник Тёпка. На голове у него красовалась новая школьная фуражка с блестящим козырьком. На руке — широкая повязка с красным крестом.

«Уколы будут делать!» — Саварка испуганно дёрнулся. Тёпка был похож на фельдшера, который весной делал Саварке уколы. Тёпка выберет самую большую иголку! Проколет насквозь!

Тёпка по очереди смотрел у новичков руки, уши, разглядывал зубы. Дошёл Тёпка до Саварки. Нахмурил брови.

— Ты руки мыл? Зубы чистил?

— Мыл, — улыбнулся Саварка, радуясь, что Тёпке не доверили колоть ребят иголками.

— Зачем спрятал мыло в карман?

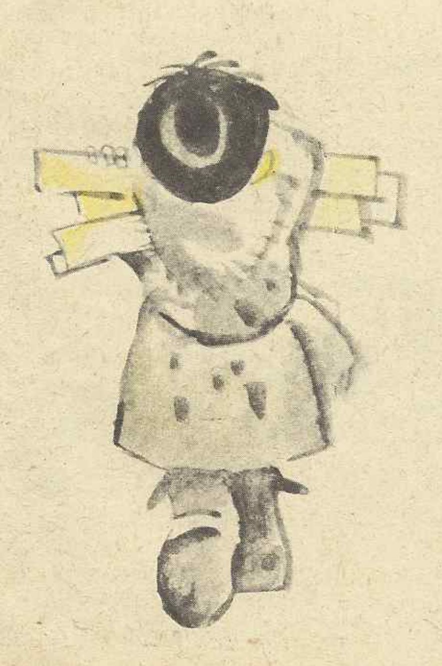

Саварка быстро сунул руку в карман, где лежала смола. Хитрый Тёпка, но не отобрать ему смолу! И как он узнал о смоле?

Вечером воспитательница сидела в комнате мальчиков и читала вслух книжку.

Саварка из-за плеча рассматривал картинки.

— Не вертись, — сказала воспитательница и начала читать сначала:

«Одеяло убежало,
Улетела простыня...»

Не всё понимал мальчик, что читала воспитательница. Но стал повторять про себя:

«Я за книжку,
Та — бежать
И вприпрыжку
Под кровать!»

Вот бы так случилось в самом деле! Улетела бы кровать. Как бы он обрадовался!

Саварка незаметно отошёл. Присел на пол. Спиной прижался к стене. Согрелся. Стало приятно, и он закрыл глаза. Заснул. Спал он крепко, без снов.

— Кто храпит? — спросила удивлённо воспитательница.

— Явтысов!

Ребята растолкали Саварку.

— Как тебе не стыдно, Явтысов! — сказала воспитательница. — Читаю «Мойдодыра», а ты спишь.

— Тарем, тарем, — закивал головой Саварка. Ему было всё равно. Пусть его ругают: он выспался. А ночью будет лежать с открытыми глазами на кровати. Будет крепко-крепко держаться руками за железные перекладины.

После чая Саварка увидел, как Тёпка внёс большую охапку колотых дров. Где-то будет разводить костёр! Тёпка присел перед маленькой дверкой. Красное пламя осветило его фуражку, оттопыренные уши.

«В ящик костёр спрятал», — подумал Саварка. Он не мог допустить, чтобы Тёпка знал больше его.

Пока Тёпка забивал ящик дровами, Саварка отправился по коридору, нашёл ещё ящик с маленькой дверцей. Открыл.

Знакомые языки огня напомнили ему о костре в чуме. Огонь хотел кушать. Просил веток.

Саварка принёс с улицы дров. В руке вывесил каждое полено. Самые тяжёлые — сырые. Отодвинул их в сторону. На угли положил сухие палки.

Захлопнул дверку. Немного подождал. Костёр скоро напомнил о себе: протяжно загудел. Потрогал рукой Саварка стенку. Она была горячей.

— Молодец, Явтысов! — сказала воспитательница. — А я чуть не проглядела печку.

— Тарем, тарем, — сказал Саварка. Надо ему приглядываться к Тёпке. Всегда будет знать, что делать. Всё равно он обманет Тёпку: отмоет руки от смолы без мыла и белого порошка.

На другой день Саварка на берегу Оби долго тёр песком руки. От холодной воды они у него покраснели, как гусиные лапы.

Со страхом он подумал о ночи. Вечер не принёс облегчения. Ребята в комнате улеглись. Воспитательница поправила на Саварке одеяло.

— Спокойной ночи!

— Спокойной ночи! — громко сказал мальчик. — Я помню: «Одеяло убежало, улетела простыня!»

— Спать, спать! Завтра мне расскажешь!

Саварка страдальчески вздохнул. В темноте крепко ухватился за железные перекладины.

Ребята в комнате скоро заснули. Саварка тихо вышел в коридор. С вешалки снял свою малицу.

Положил малицу на кровать. Прикрыл её одеялом. А сам улёгся на полу. Привалился спиной к тёплым кирпичам. Спокойно ему так и хорошо. Можно кататься из стороны в сторону: никуда не свалишься.

Засыпая, Саварка слышал, как в комнату входила воспитательница. Зажигала свет, укрывала ребят. Подошла к его кровати.

— Явтысов, — тихо сказала она малице, закрытой одеялом. — Ты на самолёте не испугался лететь. И кровати бояться не нужно. Спи спокойно.

— Тарем, тарем!

ЛИСТОПАД

В. ГОЛЯХОВСКИЙ

Под ногами в листопад
Листья жёлтые лежат,
Листья жёлтые лежат,
А под листьями шуршат
Шурш,
Шуршиха
и Шуршонок —
Папа, мама и листёнок.
Если папа здесь пройдётся,
Громкий Шурш вокруг
несётся,
Если мама — будет тихо
Под ногой шуршать Шуршиха,
А ребёнок пробежит —
Чуть Шуршонок прошуршит.

ПЕСЕНКА ЧИПОЛЛИНО

Ю. СТУКАЛОВ *Рис. Л. СЕРГЕЕВА*

Я Чиполлино, я Чиполлино,
Я мальчик-луковка незлой,
Я Чиполлино, я Чиполлино —
Иду с котомкой за спиной.

И пусть штаны мои в заплатках,
Но не умею я тужить.
Пусть башмаки стоптались в пятках,
А я босым могу ходить.

ГАЛЧАТА

Виктор ПОПОВ

Летят, ворчат
Галчата:
«Ах, как шумят
Ребята!»
А мы бежим
По лугу,
Не слушаем
Галчат.
Сначала пусть
Друг друга
Они
Перекричат!

Рис. Т. ЗУЙКОВОЙ

ЯБЛОКИ-ЗЯБЛИКИ

В. КОРКИН

Листья,
Как кораблики,
В воздухе кружат.
Яблоки,
Как зяблики,
Озябли и дрожат,
Жёлтые и красные,
Бедные, несчастные...

Чтоб не мёрзли средь ветвей,
Может, съесть их поскорей?

Я прошагаю всю планету,
Я в каждый дом зайду и двор.
И знаю я, что песню эту
Всегда подхватит дружный хор.

Но пусть узнают все синьоры:
Лимоны, вишни, помидоры,
Что их беда большая ждёт,
Коль мальчик-луковка придёт!

Я Чиполлино, я Чиполлино,
Я мальчик-луковка незлой,
Я Чиполлино, я Чиполлино —
Иду с котомкой за спиной.

ШТУРМ

ЗИМНЕГО ДВОРЦА

Рис. В. ЛОСИНА

В октябре 1917 года в Петрограде началось вооружённое восстание против Временного правительства.

24 октября вечером Владимир Ильич Ленин оставил подпольную квартиру и пришёл в Смольный, где разместился штаб революции.

Смольный всю ночь был ярко освещён. К нему стекались тысячи красногвардейцев, моряков, солдат. Подъезжали броневики, автомашины. Отсюда отряды уходили выполнять боевые задания Ленина и штаба революции.

К утру 25 октября (7 ноября по нашему календарю) в городе были заняты мосты через Неву и важные правительственные учреждения.

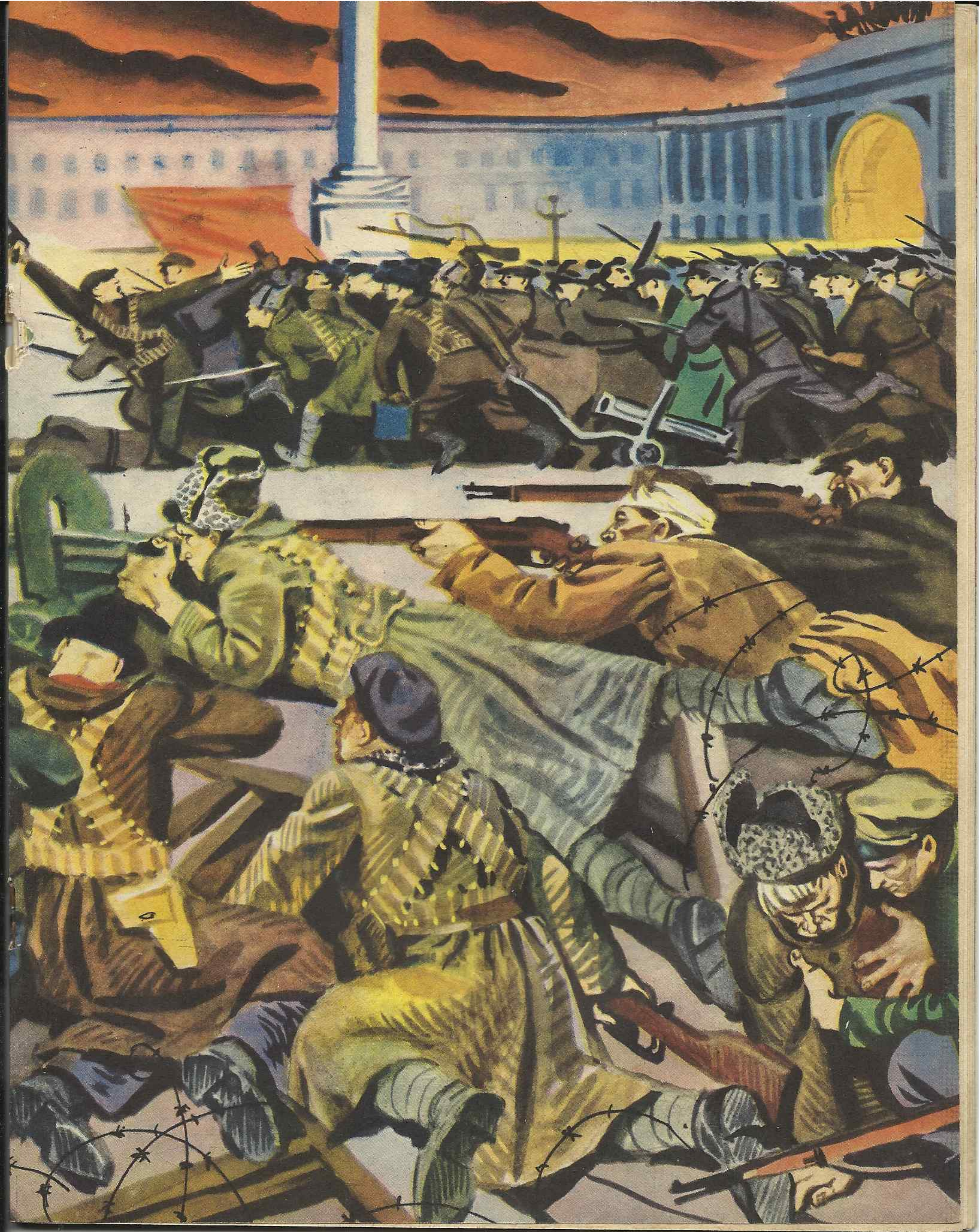
Осталось нанести последний удар, захватить Зимний дворец, где укрылись министры Временного правительства. Ленин дал указание взять дворец штурмом. Сигналом к штурму был пушечный выстрел крейсера «Аврора».

Со всех улиц к дворцу начали двигаться цепи красногвардейцев, балтийских моряков, солдат. Они смяли защитников Временного правительства, ворвались во дворец и арестовали министров-капиталистов.

Великая Октябрьская социалистическая революция совершилась, народ победил.

Было создано первое в мире правительство рабочих и крестьян — Советское правительство. Главой его стал Владимир Ильич Ленин.

●

Ю. КОВАЛЬ
Рис. В. ЛОСИНА

АЛЫЙ

Окончание

Побежали день за днём. Солнце перекатывалось над горами, облака сталкивались в небе с тучами, падал на землю дождь, и навстречу ему выползали из земли толстые стебли, налитые зелёным соком.

Алый всё время чувствовал, как заживает-затягивается его рана, и торопился её лизать. Ему казалось, что он может слизать языком тупую, тягучую боль.

Когда рана поджила, Кошкин стал выводить его во двор заставы. Кошкин садился на лавочку и играл на гитаре, а Алый лежал у его ног, мигая на солнце.

Алому было странно слушать, как тянутся звуки со струн и плывут над его головой длинными птицами, мягко опускаются на голову и кружат её. Они вызывали тёплую дрожь в его теле.

Он поднимал голову, и утомительный вой вылетал из его горла. Алый закрывал глаза, хватал зубами воздух, будто хотел укусить собственную песню.

Подходили пограничники, слушали Алого и смеялись, расспрашивали про медведя.

— Вообще-то я медведей побаиваюсь, — говорил Кошкин, отставив гитару, — кусаются.

Алый, конечно, ничего не говорил, но думал: «С медведями держи ухо востро».

12

Весна прошла, а потом прошло и лето, а потом и осень кончилась. Выпал снег. От него выровнялись кривые горы, и даже в ущельях, под нависшими камнями сделалось ясно.

Хоть и неглубок был первый снег, на нём хорошо был виден след нарушителя.

Снег был пробит, продавлен подкованным сапогом до самой земли, до осеннего листа.

— Тяжёлый человек прошёл, — сказал рядовой Снегирёв про того, кто натоптал след.

— Да, — отозвался Кошкин, — тяжеловат.

Алый нервничал, тянул Кошкина по следу, но Кошкин сдерживал его, раздумывал.

— Ну? — спросил Снегирёв.

— Будем преследовать, — отозвался Кошкин и кивнул Алому.

Быстро пошёл Алый по следу. Бежит за ним Кошкин, старается так поспевать, чтобы ошейником не резать шею. Снегирёв бежит чуть сзади, шагах в двадцати.

След — в крутую гору. Видно, что «тяжёлому» трудновато подниматься. Вот он споткнулся... Стоп! Разглядел Кошкин след, и стало ему понятно, что впереди — двое, что «тяжёлый» тащит на себе «лёгкого».

Поднялись в гору — след под гору пошёл. Трудно бежать под гору — пороша все камни покрыла. Оступишься — и выскользнет камешек из-под ног, да так выскользнет, что тебя перекувырнёт в воздухе да о камень затылком трахнет.

След привёл их к дороге, и там Кошкин понял вот какую штуку: «тяжёлый» отпустил «лёгкого». Тот вперёд побежал, а «тяжёлый» его следы затаптывал.

Ух, горные дороги! Справа — скала, слева — обрыв, а на дне его — бешеный зелёный ручей. Крутит, вертит дорога вокруг горы — за скалу, за корявую кручу.

Выбежали Кошкин и Алый за поворот — выстрел навстречу. Пуля о камень ударилась, взвизгнула, забилась яростно между камнями, пока не утонула в мягком стволе дерева.

Кошкин и Алый за валуном схоронились, за другим — Снегирёв.

Выстрел — заныли каменные осколки, пуля дугой улетела в небо.

Кошкин выглянул осторожно и увидел, как темнеет за камнем рука с пистолетом, покачивается в воздухе, целит в Снегирёва. Ударил Кошкин из автомата и разбил её.

Прыжок — Алый взмахнул на спину «тяжёлого», режет когтями его одежду, страшными зубами шею сдавил.

Подбежали Кошкин и Снегирёв, обезоружили нарушителя, связали.

Скорчившись, сидел нарушитель на земле, дрожал от ярости, и вокруг него таял снег. Он плевал себе под ноги, и Кошкин Алого в сторону отвёл, будто боялся, что плевки злого человека ядовитые.

13

Кошкин и Алый побежали дальше по следу, а Снегирёв остался пойманного сторожить.

Дорога здесь была уже нахожена-наезжена, и следы «лёгкого» поэтому часто терялись, затаивались среди следов других людей.

Впереди у дороги стоял дом. Это был дом старика Александра, который помог Кошкину задержать нарушителя в первый раз. Кошкин оглядел дом, укрывшись за скалою. В узких окошках ничего не было видно, а на диких яблонях, растущих вокруг, сидели куры.

Алый тянул по следу мимо дома, но Кошкин решил зайти, расспросить Александра.

Старик сидел в комнате, завешанной вязками красного перца и косицами, наплетёнными из лука. Он курил трубку.

— Здравствуй, Александр, — сказал Кошкин, придерживая Алого.

Александр выпустил колесо дыма.

— Здравствуй, Кошкин.

— Никого не видел?

— Видел, — сказал Александр и, косясь на Алого, снова выпустил колесо дыма. Оно неторопливо догнало первое, ещё висящее в воздухе.

— Скорее! — сказал Кошкин. — Скорее говори: где он?

Александр подмигнул Кошкину и выпустил третье колесо.

— Не спеши, не спеши, Кошкин, — сказал Александр, — он у нас в сундуке сидит.

Кошкин открыл сундук, но там ничего не было — какие-то старые сандалии.

Александр засмеялся и, выпустив четвёртое колесо дыма, встал. Он обошёл это колесо, просунул в него нос и сказал Кошкину:

— Ку-ку.

— Ты что, спятил? — спросил Кошкин.

Но старик выпустил ещё колесо и ничего не ответил. Он подошёл к окну и, пригнувшись, поглядел в него, а потом поманил Кошкина пальцем.

— Не спеши, — повторил старик, — не спеши, он всё равно не уйдёт.

Кошкин выглянул в окно и увидел врага. С крутого откоса тот спускался вниз к ручью.

14

Вода раскалывается о камни, грохочет, разлетается пеной, брызгами. Прозрачные космы закручиваются, свистят, и медленно-медленно под напором воды сползают камни, подталкивают друг друга скользкими плечами, с внезапным рёвом поворачиваются лениво и грозно набок.

Осторожно спускается Кошкин, прячется за кустами с красными ягодами, за валунами, припорошёнными снегом. Нужно внезапно напасть на врага.

За звоном воды, за каменным гулом не слышно шага, треска колючего сучка под ногой. И не слышно, как орёт в небе ворон, только разевает рот, пролетая за гору.

Алый медленно ведёт, извивается, как живая пружина. Он уже не нюхает след, он весь наполнен запахом врага, он видит его.

Тот уже у самого ручья. Остановился, думает, где ручей перейти.

Алый сжался в комок.

Вот Кошкин отпустит его.

Вот отпустил...

Алый расстелился по земле и вдруг взмахнул всем телом — прыгнул. Будто остановился, застыл в воздухе на секунду и — рухнул на врага. Ударил его в спину. Рванул. Рванул.

Тот упал, но вывернул назад руку и выстрелил в Алого — раз, другой, третий.

Алый вырвал пистолет, и металл будто треснул в его зубах, как чёрная кость. Кошкин ударил врага, скрутил ему руки...

Зелёные дуги сшибаются в ручье, захлёстывают друг друга, звенят, взбивают пену.

Кошкин глянул на Алого и схватился за голову. Без движения лежал Алый на снегу. Кошкин поднял его, и тепло-тепло стало его рукам. Тепло струилось между пальцев, утекало, лилось в снег. Руки его стали алыми.

15

Алый был жив, когда Кошкин принёс его на заставу. Пули не задержались в его теле — вылетели вон.

Алый тяжело дышал, и глаза его то просветлялись, то становились мутными. Кошкин глядел в них и не знал, видит ли его Алый.

Но Алый видел Кошкина и понимал, что это Кошкин — мужик хороший.

— Умрёт он, — сказал фельдшер.

Но Кошкин не поверил. Он сидел рядом с Алым и гладил его по голове. Он рассказывал Алому, что скоро получит из дому посылку. А там, в этой посылке, чего только не будет: и колбаса, и сало, и коржики.

— То-то пожуём, — говорил Кошкин.

Алому было приятно слушать голос Кошкина. Но только над головой его поплыли длинные мягкие птицы, закружили её. Голова стала такая тяжёлая, что он не смог её больше держать и уронил на передние лапы. «Жалко мне тебя, Кошкин», — подумал было Алый, но не сумел додумать, почему он жалеет Кошкина. Алый вздрогнул и умер.

А Кошкин никак не мог понять, что Алый умер. Он гладил его и говорил:

— И колбаса там будет, и сало, и коржики...

ЭСТОНСКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСЕНКИ

Перевели А. ПРОКОФЬЕВ, А. ЧЕПУРОВ

Ой, как весело на горке
На заре, на зорьке!
Сосны-невелички,
А на соснах птички:
Братья да сестрички.
Веселятся птички!

Ну и реченька-река —
Глубока, широка!
Как темна вдалеке!
Сколько рыбы в реке!
Щуки злые длинные,
Сиги черноспинные,
Налимы вертлявые,
А ерши костлявые,
Да лосось пёстрый,
Да окунь — гребень острый!

Я — волк.
Бегу лугами,
Бегу за пастухами.
Я украду телёнка,
Наброшусь на ягнёнка,
Схвачу и съем козлёнка!
Сторонкой,
Сторонкой,
Лугами,
Полями
Бегу за пастухами.

Рис. В. ЧИЖИКОВА

Изба расписная,
Крыша смоляная.
Села трясогузка —
Хвост прилип,
Выдернула хвостик —
Клюв прилип.
Вредная какая
Крыша смоляная!
Села трясогузка —
Хвост прилип,
Выдернула хвостик —
Клюв прилип.
Крыша смоляная
Вредная какая!

Что там на горе краснеет?
Это яблоня краснеет.
На кудрявой сколько веток?
Семь на ней зелёных веток.
А на ветке сколько яблок?
Семь на каждой ветке яблок.
Кто те яблоки срывает?
Майя яблоки срывает.
Вся корзинка серебрится,
Только ручка золотится.

Сон, войди скорее в двери,
Дрёма, встань у колыбели,
Тихо песенку пропойте,
Глазки мальчику закройте.
Пусть растёт он тоненький
Выше соломинки,
Хлебной крошки тяжелей,
Клёна-ясеня прямей,
Толще ивушки зелёной,
Ясной звёздочки светлей.

КАК МЕДВЕЖОНОК САМ СЕБЯ НАПУГАЛ

Н. СЛАДКОВ — *Рис. Е. ЧАРУШИНА*

Страсть захотелось медвежонку малины! Тайком от медведицы в малинник удрал. До чего ж в малиннике хорошо! Тишина, теплота, вареньем малиновым пахнет. Заспешил медвежонок — хрустнула под лапой валежина...

Услыхала хруст тетеря — насторожилась. Квокнула озабоченно. Испугались тетеревята, кинулись кто куда: кто под ветку, кто под шишку, кто под грибок.

Слышит куница — возня в траве. Вспрыгнула на ёлку, чтоб оглядеться.

Сорвалась с ёлки шишка — бац зайцу в лоб.

Взвился зайчишка и братца своего всполошил. Уши на спину — понеслись без оглядки. Сами маленькие, а шум большой-большой.

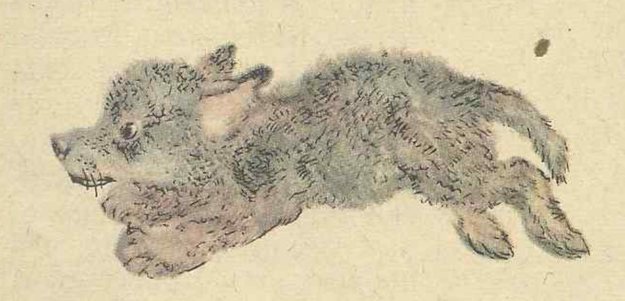
«Уж не лиса ли в кустах топочет?» — насторожились скворчата. И молчком в разные стороны.

Ворон на осине разволновался, раскаркался: что за переполох внизу? крак! как? кро! кто? кто кого?

«Ворон не ворона, попусту каркать не станет. Уж не волков ли с осины увидел?» Вильнула лиса в ельничек, нырнула сквозь березничек — да в моховое болото.

В болоте на моховой перинке лосёнок дремал. Слышит спросонок — ломится кто-то. Спасайте, длинные ноги, мою бедовую голову!

С разгона лосёнок на волчонка наткнулся. Волчонок оскалился, за-

ворчал. Да не приучен ещё к охоте. Струсил длинноногого зверя, прижал хвост к животу — и дёру!

И надо же: нос в нос с рысёнком столкнулся! Оба малы ещё, оба глупы — до смерти перетрусили. Как запрыгают в разные стороны — только брызги полетели. Услыхали журавли — затрубили, увидали кроншнепы — засвистели, напугались утки — закрякали. Покатилась по лесу тревога.

Медвежонок в малиннике сладкую малину обсасывал. Слышит вдруг — птицы кричат, видит вдруг — звери

бегут. Не иначе кто-то страшный в лесу появился! Удирать надо подобру-поздорову.

Зажмурил медвежонок глаза, чтоб ветками не выхлестать, — да головой нечёсаной в самую чащу. Только сучки затрещали!

Так медвежонок сам себя напугал, сам себя из малинника выгнал. А до чего ж сладка малинка была!

И ГРУСТНО И РАДОСТНО

Н. СЛАДКОВ
Рис. Н. УСТИНОВА

Сентябрь

Сыплет осенний нудный дождь.

С шорохом падают листья.

Лес стоит тихий, опустошённый.

И вдруг лесную осеннюю тишину нарушает ярое, весеннее бормотание тетерева!

Певчий дрозд откликнулся — просвистел свою песню. Затенькала птичка-капелька — пеночка-теньковка.

И на опушке и в глубине леса послышались птичьи голоса. Это прощальные песни птиц. Но и в прощальных песнях слышится радость.

Странный в сентябре лес — в нём рядом и весна и осень.

Жёлтый лист и зелёная травинка.

Поблекшие травы и зацветающие цветы. Сверкающий иней и бабочки. Тёплое солнце и холодная белая радуга.

Увядание и расцвет. Тишина и песни.

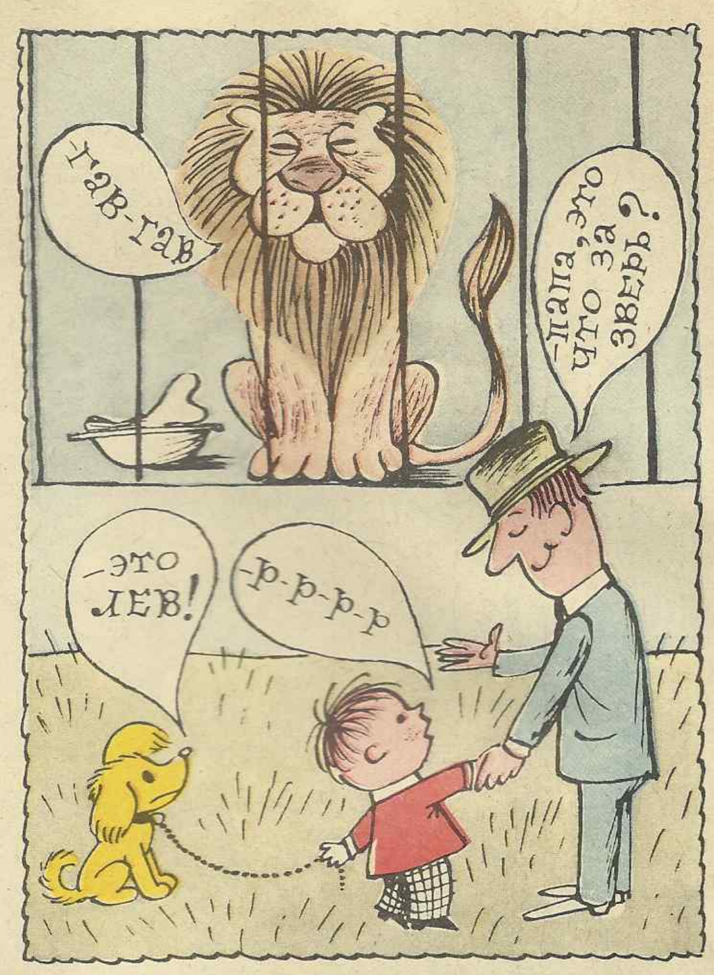
И грустно и радостно!

ПОДУМАЙ — ОТГАДАЙ

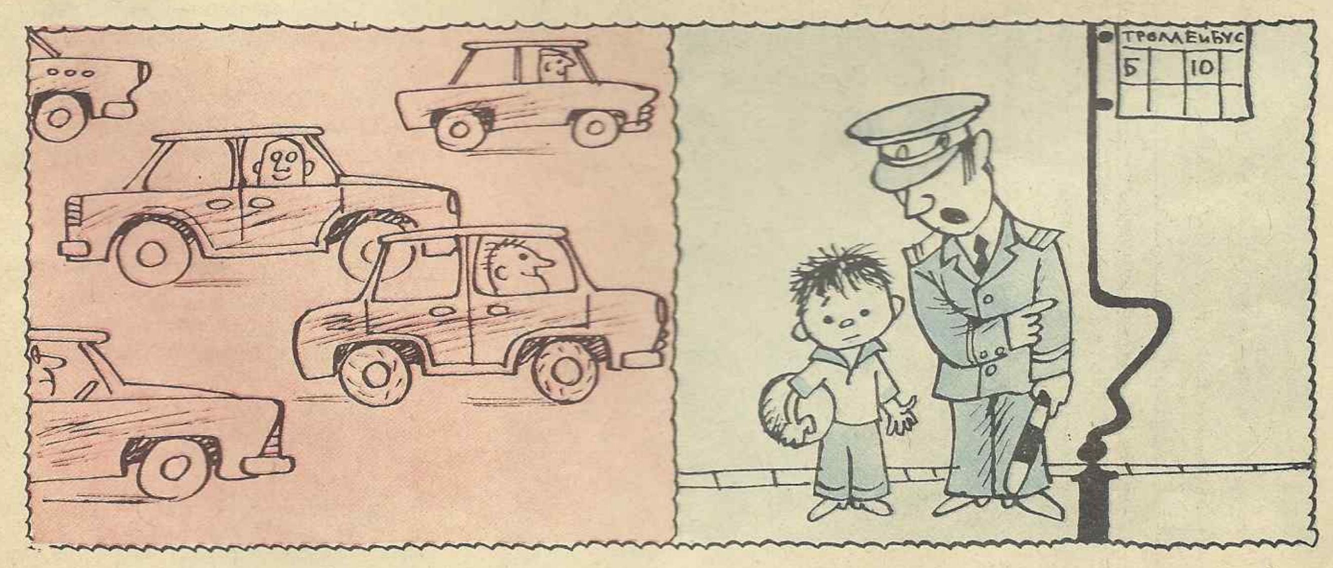
Как догадался учитель?

— И всё-таки, Иванов, это ты запустил голубя.

Кто что должен говорить?

Ехали по улице машины. Петя играл на мостовой. Чтобы не задавить его, машина резко свернула в сторону и погнула столб. Какая машина погнула столб?

КОНКУРС «МУРЗИЛКИ»

Посвящён 50-летию Великого Октября

РИСУЮТ НЕМЕЦКИЕ ДЕТИ

«Клоуны». Рисунок Вике ШМИДТА.

«Праздник в Ленинграде». Рисунок Матиаса ВУРЦИГЕРА.

«На Луне». Рисунок Фреда ХАЙНИША.

Дорогие советские ребята! На этих страницах напечатаны рисунки немецких детей. Они тоже участвовали в конкурсе «Мурзилки», посвящённом пятидесятилетию Советской власти. С большой радостью рисовали они храбрых советских солдат, освободивших Германию от фашистов, рисовали бои Великого Октября, когда народ России прогнал помещиков и капиталистов, рисовали ракеты и космические корабли, построенные в Советском Союзе.

Очень многие наши ребята посвятили свои рисунки дружбе советских и немецких детей. Моника Бойер, например, нарисовала свою подругу — советскую девочку. Она переписывается с этой девочкой, дружит с ней.

Без дружбы плохо жить на свете. И трудно представить себе ребёнка, у которого не было бы друга.

У всех читателей «Мурзилки», конечно, есть друзья. Может быть, друга вашего зовут Коля, может быть, Ваня. Имя не самое главное. В нашей стране, в Герман-

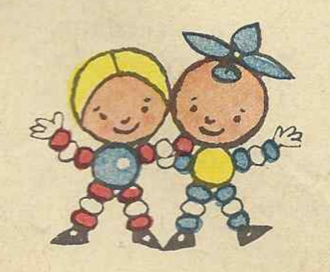
ской Демократической Республике, имена у ребят другие, но дружат они так же крепко.

Друзья всегда вместе. Вместе учат уроки, вместе гуляют, играют в мяч, ходят в лес за грибами, за ягодами.

В редакцию журнала «АБЦ — Цайтунг» приходит много писем. Недавно мы получили письмо от одной женщины. Она рассказывает о том, как тепло, по-дружески отнеслись к её маленькой дочке Уте советские солдаты. Вот это письмо:

«Ута стояла на горе и боялась съехать вниз. Мимо проходили советские солдаты. Один из них, его звали Борис, поднялся на горку и сказал: «Она совсем замёрзла», и тёр ей руки до тех пор, пока они не стали тёплыми. Потом сказал Уте: «Ну, поехали!» И они вместе съехали с горы. Я пришла в то время, когда Борис вёл Уту снова на гору. Они съехали ещё раз. «Приходи завтра», — сказала Ута. «Постараюсь», — ответил Борис. Я уверена: он придёт, если позволит служба. Спасибо тебе, Борис. Спасибо всем советским солдатам. Вместе с солдатами Национальной Народной Армии они защищают границы нашей родины и дружбу между народами».

Розвита ПАРОХ,
заместитель редактора
журнала „АБЦ — Цайтунг“

«Моя советская подруга».
Рисунок Моники БОЙЕР.

Овсей ДРИЗ
Рис. И. КАБАКОВА

КТО Я?

Мать говорит:
— На кого он
похож?
Волосы дыбом —
Не мальчик, а

Вот я причёсан,
Я мальчик опять,
Только надолго ль,
Хотел бы я знать?

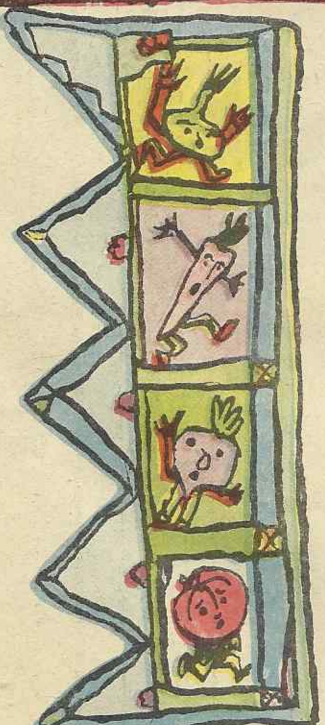
Стоило локтем
Сестрёнку задеть,
Крикнул отец:
— Неуклюжий

Сел я спокойно,
Я мальчик опять,
Только надолго ль,
Хотел бы я знать?

Взял и запел я.
Тут бабушка вдруг:
— Да замолчишь ты,
Горластый

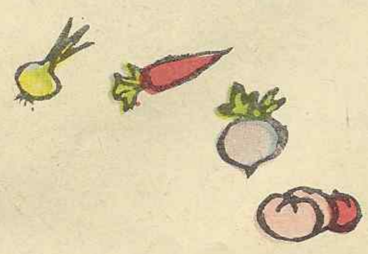
Молча вздыхаю,
Я мальчик опять,
Только надолго ль,
Хотел бы я знать?

Спать я сегодня
Не сразу пошёл.
Дед рассердился:
— Упрямый

СТРАШНЫЙ СЛУЧАЙ

Пять весёлых пальчиков
Как-то за столом
Чуть не утонули
В супе овощном.
Напугались,

Успокоиться не могут
И по эту пору.

Вот я в постели,
Я мальчик опять,
Только надолго ль,
Хотел бы я знать?

К стене отвернулся,
Я дуюсь молчком —
Того и гляди
Обзовут

Всех птиц и зверей
Принялся вспоминать.
Кем буду я завтра,
Хотел бы я знать?

РЕТИВЫЙ ПОМОЩНИК

— Алёша! Алёша!
Апрель у дверей!
Копать огород
Помоги нам
скорей!

— Иду я, бегу я,
Уже я пришёл!
Только

Нигде не нашёл!

— Алёша! Алёша!
Июль у дверей!
Полить огурцы
Помоги нам
скорей!

— Иду я, бегу я,
Уже я пришёл!
Только я

Нигде не нашёл!

— Алёша! Алёша!
Смотри не зевай!
Сегодня мы
будем
Делить урожай!

— Иду я, бегу я,
Уже я пришёл!
Глядите, какую

нашёл!

Перевела с еврейского Т. СПЕНДИАРОВА

На обложке рисунок—М. МЕЖЕНИНОВА

Редактор **А. МИТЯЕВ**

Художественный редактор **Ю. Молоканов** Технический редактор **В. Лубкова**

Год издания сорок четвёртый.

Сдано в набор 10/VII 1967 г. Подписано в печать 3/VIII 1967 г. Формат 84×108 1/16. Печ. л. 2 (усл. 3.36). Уч.-изд. л. 4. Тираж 5 600 000 экз. Цена 10 коп. Заказ 1410. Адрес редакции, издательства и типографии «Молодая гвардия»: Москва, А-30, Сущёвская, 21. Телефон Д 0-45-08.

„Огневушка-поскакушка". Рисунок Е. ВАСНЕЦОВОЙ к сказу П. БАЖОВА

Цена 10 коп.

Индекс 70553